

ТАЙНА, КОТОРУЮ ЗНАЛ ЧУКОВСКИЙ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Чашепитие у дедушки Корнея. (Переделкино, 1961-г.)

Фото ТАСС — АПН.

БЕЗ двух месяцев ровно двадцать лет назад по заданию редакции я, начинающий журналист, позвонил в Оксфорд, чтобы связаться с приехавшим туда Корнеем Ивановичем Чуковским. Знаменитый университет, отмечая заслуги Чуковского как критика, переводчика, поэта, редактора, присвоил ему почетную степень доктора литературы. Последним русским писателем, удостоившимся такой чести, был Иван Тургенев.

Знакомство Чуковского с Англией состоялось на заре нового века. Молодой журналист и критик представлял в Лондоне русскую газету «Одесские новости». Но газета нечасто получала от своего корреспондента лондонские новости — целыми днями Чуковский просиживал в библиотеках.

Быть может, в то время одесские читатели и были в обиде на своего корреспондента, но именно благодаря «Одесским новостям» наша литература получила такого блестящего исследователя и переводчика английской поэзии, прозы и драматургии, как Чуковский.

И вот в трубке звучит голос Корнея Ивановича, только что вернувшегося в гостиницу после торжеств в университете.

— На церемонии все было, как в тысяча триста или тысяча четыреста каком-то году. Студенты и профессора в мантиях. Ритуал, освященный веками. Торжественные речи по-латыни. А потом моя часовая лекция о Некрасове... Хотите, я надену свою пурпурную мантию? Вот она лежит рядом в кресле. Это — pure silk. Как вы переведете на русский? — Корней Иванович не упускал случая задать лингвистическую или стилистическую загадку («Чистый шелк», — ответил я). — Да нет же, она насквозь шелковая, «чистый шелк» — такая галантерея! Он продолжал рассказывать о своих лекциях, об

устроенном ему приеме, а на прощанье, усмехнувшись, прокричал: — Привет переделкинским разбойникам и конспираторам. Думаете, провели меня вокруг пальца? Я все про вас знаю!

ТУТ необходимо отступление лет на десять от этого торжественного дня. Удивительная цифра — оказывается, что общий тираж книг Корнея Ивановича Чуковского (а издано их около тысячи) составил двести миллионов экземпляров. Представляете, для скольких поколений детей (их детей и детей их детей) с этих книжек начиналось первое знакомство с миром.

Мне посчастливилось в детстве иногда чуть ли не каждый день видеть Корнея Ивановича — чаще добрым, конечно, но нередко и раздраженным, почти что доходящим до крайней точки кипения. И как не понять его, когда ему приходилось иметь дело не только с миллионами юных читателей, называвших его дедушкой Корнеем, но и со своими собственными внуками — «разбойниками и конспираторами», среди которых безграничной неистощимостью на всяческого рода каверзы отличался мой однокашник и товарищ детских лет Женя, ныне отец почтенного семейства, талантливый кинооператор, не оставивший, впрочем, своих изобретательских, ошеломительных идей.

Кстати, совсем на днях попала на глаза маленькая заметка в одной из газет, где говорилось о мгновенно запатентованном изобретении молодого испанца Франческо Гонсалеса. Он придумал, что как только пеленки, в которые завернут малыши, становятся влажными, раздается звуковой сигнал, а через некоторое время миниатюрный аппарат предупреждает родителей: «Внимание, ваш ребенок мокрый». Не зная, естественно, ничего об этом изобретении находчивого Франческо, так рос

правнук Корнея Ивановича, первенец его внука Евгения. У коляски в саду был установлен микрофон, транслировавший в комнату родителей голос Андрюши, ну а что касается пеленок, то свой электрический звонок Женя мог бы запатентовать раньше Гонсалеса на добрых двадцать лет, как и многое другое, что, впрочем, не всегда нравилось взрослым, особенно когда «это» взрывалось, кипело, шипело, стреляло и совершало прочие неожиданные для взрослых действия.

И потому Корней Иванович, мне кажется, всегда смотрел на нас с подозрением, когда мы собирались около его дома и что-то заговорщицки начинали обсуждать. Участок всегда был полон людей, двор кишел детьми, а самой святой заповедью дома была тишина. Корней Иванович ложился спать часов в девять вечера — летом было еще светло, вставал в четыре утра и работал до завтрака. Когда вокруг все просыпалось, за его плечами был уже целый рабочий день, и оттого у него всегда было победительно веселое настроение.

Время смещает понятия. Помню, мы часто здорово побивались Корнеем Ивановичем — праздные поглотители дней и недель каникул, а потом уже и десять и двадцать лет спустя узнавали, как помнит он все то, чем мы жили, не забывая подробности, о которых не помнили и сами бывшие мальчишки.

ОДНАЖДЫ, когда нам надоело все время быть на виду у взрослых, Женя предложил обустроить блиндаж, собственный штаб. Место для него было выбрано дерзостно открытое — в старом, заброшенном сарае неподалеку от дачи Корнея Ивановича. Сарай был заперт на ржавый замок, не отпиравшийся, наверно, с войны. Но зато, отогнув сбоку две доски, можно было пролезть внутрь, а там еще ниже, в сырой

погреб. Правда, через неделю мы его высушили. Не испытывая никакого страха перед неведомым электричеством, Женя провел от столба провода, кто-то притащил обогреватель, потом организовали свою библиотеку и, растворившись в уюте, не зная, что же делать дальше, хотя проводили в блиндаже целые дни. Воевать вроде бы было не с кем — все вокруг были свои.

И вдруг однажды утром Женя заметил на стекле своей комнаты записку, где говорилось, что штаб наш обнаружен и кто-то неведомый предлагает нам сдаваться. Женя не поверил такому обороту событий, и им были тщательно обследованы все шрифты имеющихся в округе машинок, чтобы обнаружить злоумышленника. Оскорбленные сотоварищи в отместку заставили и Женю — а вдруг это он сам написал? — представить нам образец текста домашней машинки — буквы не совпадали.

А дальше было уже не до взаимных проверок. В один из дней еще издали мы увидели, что у входа в сарай дежурит милиционер. Ларчик, то бишь блиндаж, открывался просто. Женя потерял бумажку с объявлением войны, ее нашла молочница, поняла, что где-то рядом объявились разбойники, и расплата не заставила себя ждать. Воевали-то все, а расплачиваться приходилось одному Жене. Ведь это он проводил электричество, писал заявления на склад с просьбой отпустить немного досок, проводов и подписывался — Чуковский.

Корней Иванович собрал всю нашу ватагу и сказал, что Женя заслуживает самого сурового наказания, но он отдает его на наш суд, и как мы решим, так и будет. Добрый сказочник писал для малышей, а тут нам дал упражнение для среднего школьного возраста такой трудности, с какой мы в школе не встречались. Как же осудить това-

рища, чтобы ему не доставить слишком большой боли и сделать это так, чтобы не разочаровать Корнея Ивановича в нашей искренности и честности? Вопрос о подделке подписи мы гордо откинули — ведь Женя подписался своей фамилией и чуждой инициалом не поставил. А все остальное признали. Сколько времени прошло — лет тридцать с лишним — а как помнится тот наш спор о вине, собственной и товарища. Как много мы узнали тогда друг о друге такого, чего раньше не знали. Кто-то хотел увильнуть от ответственности, кто-то юлил, кто-то предлагал с Женей больше «не водиться».

Когда он пришел через час, мы сказали, что в равной степени осуждаем Женю и себя, нам стыдно, что мы обманывали взрослых, но все равно будем с Женей дружить и просим Корнея Ивановича не наказывать внука.

— Милые дети, — сказал он, — спасибо, что вы подумали о Жене и о себе. А самое главное, не думайте о войне, зачем она вам сдалась?

Его сын Борис Корнеевич, отец Жени, погиб под Вязьмой. А с конца-то войны прошло всего лет пять...

МНОГО потом было встреч с Корнеем Ивановичем, и когда однажды мы заговорили о блиндаже детства, я поразился, как Корней Иванович помнит все детали нашей одиссеи, вплоть до записки на стекле — «Сдавайтесь!» Неожиданная догадка осенила меня, и я пробормотал: «Но ведь мы сливали шрифт вашей машинки...»

Корней Иванович усмехнулся, не поддерживая и не опровергнув догадки. «Кон-спи-ра-то-ры», — протянул он нараспев и весело, как умел только он один, расхохотался, так и оставив в воспоминаниях детства тайну.

А какое же детство без тайн?!

Ал. АВДЕНКО.